

Отложив телефон, Юй Нянь непринужденно спросил:

— Ты первый пойдешь в душ или я?

Видя, что Се Ю молчит, Юй Нянь опустил подбородок на сложенные на спинке стула руки и добавил:

— Сегодня ведь не поедешь обратно?

Се Ю отвел взгляд:

— Иди... иди первый ты.

На следующее утро Юй Нянь проснулся по своим внутренним часам и обнаружил, что Се Ю крепко обнимает его. Они лежали кожа к коже, без малейшего просвета между ними, словно Се Ю даже во сне боялся, что тот внезапно исчезнет.

Едва Юй Нянь шевельнулся, Се Ю тут же проснулся. Он машинально поцеловал его в лоб и хриплым спросонья голосом позвал:

— Няньнянь?

Юй Нянь прикрыл глаза и приложил палец к губам, призывая к тишине.

Тонкое одеяло, укрывавшее их обоих, ничуть не сбилось. Дыхание Се Ю изменилось. Наконец Юй Нянь приблизился, поцеловал его в уголок губ и лучезарно улыбнулся:

— Доброе утро!

Когда Юй Нянь встретился с Мэн Юанем, тот поднял голову и, приподняв брови, с улыбкой произнес:

— О, наш Няньнянь снова полон сил?

Юй Нянь, ничуть не смущаясь, кивнул:

— Ага!

Мэн Юань даже не стал ни о чем расспрашивать. Глядя на то, как с лица Юй Няня не сходит улыбка, он понял, что все проблемы — и мелкие, и крупные — решены.

— Так, давай к делу, — без лишних слов перешел к теме Мэн Юань. — Сегодня придется лечь поздно. В полночь состоится премьера «Древнего тракта». Как-никак, ты и песни для этого фильма написал, и спел их, да еще и роль второго плана сыграл!

Юй Нянь взял расписание, мельком просмотрел его и, будучи в прекрасном расположении духа, ответил:

— Без проблем! К тому же я давно не виделся с сестрой.

Мэн Юань протянул ему второй лист:

— Премия «Золотая мелодия» назначена на пятое число. Посчитай сам, на сколько номинаций ты выдвинут.

Юй Нянь внимательно изучил список и удивился:

— Лучший певец, лучшая песня года, лучший альбом, лучшая аранжировка, лучший композитор, лучший автор слов, лучший новичок, самый популярный певец... Почему так много? И я везде номинирован?

— Я и сам опешил, когда увидел, — сказал Мэн Юань. — Хотя, если подумать, это вполне ожидаемо. Столько времени прошло, а твои песни до сих пор занимают первые три строчки в чартах трех крупнейших музыкальных платформ. И физический альбом стабильно держится на первом месте по продажам. Если бы тебя не номинировали, пришлось бы задуматься, нет ли за кулисами премии «Золотая мелодия» какого-нибудь сговора.

Мэн Юань поймал себя на мысли, что с тех пор, как стал агентом Юй Няня, он становится все более невозмутимым.

— Но если посчитать, не так уж и много — даже до двузначного числа не дотягивает!

Юй Нянь тоже рассмеялся.

Обсудив эти вопросы, Мэн Юань взглянул на часы:

— Вроде только начали говорить, а время уже поджигает. Пора ехать, твоё мероприятие назначено на десять тридцать.

Когда они вышли на улицу, Юй Нянь спросил:

— Это съёмка социальной рекламы для Месяца культуры?

— Да, именно она. Там участвует много артистов, каждому достанется всего по несколько секунд эфирного времени, так что съёмки вряд ли будут сложными и закончатся быстро.

Дорога прошла удачно: хоть им и пришлось постоять на нескольких светофорах, серьёзных пробок не было. На старинную улицу Нинчэна они прибыли на десять минут раньше назначенного времени.

Мэн Юань шел следом за Юй Нянем, озираясь по сторонам:

— Помнится, рекламу «Фэйлэнцуй» снимали где-то неподалеку. Эта улица называется Цинцзян, а вон та — Цинси, верно?

С того места, где стоял Юй Нянь, сквозь просветы между невысокими зданиями можно было разглядеть крышу Особняка Сынин. Он перевел взгляд:

— Да, съёмки тогда проходили как раз рядом с Особняком Сынин.

Мэн Юаня вдруг осенило:

— Особняк Сынин, Сынин... Какое совпадение, ведь твой псевдоним звучит точно так же — Сынин.

Юй Нянь кивнул:

— Да, верно.

Совпадения имен случаются сплошь и рядом, к тому же эти иероглифы довольно популярны, поэтому Мэн Юань не придал этому значения. В этот момент к ним подошел режиссер рекламного ролика. После вежливого обмена приветствиями он объяснил задачу:

— Съемка сегодня простая, Юй Нянь. Тебе нужно просто пройти от того конца старинной улицы до этого. Ничего лишнего не требуется, покажи обычное состояние туриста. Не спеша прогуливайся, рассматривай лавки, присматривайся к товарам на прилавках. — Он жестикулировал во время объяснения, а затем спросил: — Понятно?

— Спасибо, режиссер, я все понял, — ответил Юй Нянь.

Когда Юй Нянь переоделся и надел рюкзак, камеры и освещение уже были готовы. Режиссер встал за камеру и скомандовал в рупор:

— Начали!

Юй Нянь прекрасно чувствовал камеру и, несмотря на окружение из множества сотрудников, держался непринужденно и естественно. Он в точности следовал указаниям режиссера, изображая обычного туриста.

Нинчэн славился своей богатой историей, и эта старинная улица стояла здесь уже бог весть сколько лет. Опираясь на ее исторический колорит, многочисленные лавочки и прилавки торговали кто каллиграфией и фарфором, кто состаренным «антиквариатом».

Согласовывая свои движения с осветителем и ходом камеры, Юй Нянь шел по неровной брусчатке вдоль улицы. Разглядывая выставленные на прилавках товары, он мысленно перечислял их названия:

«Имитация бело-синей вазы с цветами и птицами, имитация вазы с эмалевым пейзажем, имитация подставки для кистей с чернильным пейзажем, имитация сосуда цзунь с оленями и двумя ручками, имитация чаши доуцай с петухами...»

Стоп. Что-то не так.

Юй Нянь на мгновение затаил дыхание, прищурился и замедлил шаг.

В этот момент режиссер как раз объявил перерыв и подозвал к себе осветителя. Пользуясь паузой, Юй Нянь остался стоять на месте и принялся внимательно разглядывать лежавший среди прочих вещей на прилавке фарфоровый кубок, покрытый коркой засохшей грязи.

Заметив интерес Юй Няня, хозяин лавки поспешил прорекламировать товар:

— Этот фарфор у меня на реализации. Одна седая старушка принесла и попросила помочь продать. Говорит, выкопала у себя на заднем дворе. Ну я по доброте душевной и согласился.

Не отводя глаз от чаши, Юй Нянь спросил:

— На собственном заднем дворе? А хозяйка вещи местная?

Погладив усы, торговец призадумался:

— Хм... Вроде местная. И еще она говорила... Ах да, у ее мужа фамилия Сяо.

Юй Нянь уточнил:

— Подскажите, какой именно иероглиф «Сяо»?

— Тот, что пишется через «маленький» и «месяц», — улыбнулся лавочник. — Ты вон рекламу снимаешь, нашу культуру Нинчэна продвигаешь, так что обманывать тебя не стану. На мой взгляд, грош цена этой поделке, а грязь на ней, небось, только вчера налепили. За нее и двести пятьдесят юаней жалко отдать. Но старуха уперлась: мол, откопала в огороде, земля настоящая, значит, вещь ценная. Заломила цену — двадцать пять тысяч! Нацелилась облапошить какого-нибудь несведущего, глупого, но богатого туриста. Ну и корыстная же бабка.

Он поднял ладонь, растопырив пять пальцев, покачал ею из стороны в сторону и продолжил:

— Впрочем, сейчас люди пошли тертые, на такое не ведутся. Эта штуковина лежит у меня уже месяца три, никто даже не взглянул.

Продавец хохотнул:

— Уж если честно, выложить двадцать пять тысяч за это — себя не уважать!

Юй Нянь приподнял уголки губ:

— Я покупаю.

Лавочник опешил. Неужели перед ним тот самый глупец с тугим кошельком, который готов купить безделушку, несмотря на все предостережения?

Он решил еще раз предупредить:

— Я тебя обо всем честно предупредил. Вещь на комиссии, деньги пройдут через меня транзитом. Если потом передумаешь, даже если принесешь ее обратно, вернуть деньги я не смогу!

Юй Нянь вежливо ответил:

— Спасибо за заботу, хозяин, но я действительно хочу купить этот кубок.

Снова погладив усы, лавочник настаивать не стал — в конце концов, глупо отказываться от выгоды.

— Ну ладно, договорились, забирай. Посмотри, может, в лавке приглянется что-то еще? Я сделаю скидку! Вот, глянь на эту эмаль...

Юй Нянь терпеливо выслушал его и вежливо прервал:

— Спасибо, не нужно. Я возьму только этот кубок, больше ничего не требуется.

— Хорошо, сейчас упакую! — Лавочник поинтересовался: — А грязь эту налипшую отмыть или так оставить?

— Спасибо, просто заверните. Не стоит утруждаться.

Пока режиссер все еще что-то бурно обсуждал с осветителем, Юй Нянь с купленным фарфоровым кубком в руках подошел к Мэн Юаню:

— Брат Мэн, не мог бы ты поддержать его у себя пока?

Заметив серьезный вид Юй Няня, Мэн Юань с любопытством спросил:

— Тут съемочная группа уже вовсю шепчется, что ты выложил двадцать пять тысяч за какую-то побитую фарфоровую чашу. Это она? В ней есть что-то особое?

— Это не чаша, а кубок. Впрочем, я пока и сам не уверен до конца, нужно вернуться домой и все хорошенько изучить.

Услышав это, Мэн Юань понял, что вещь действительно с секретом, и охотно согласился:

— Договорились. Спокойно снимайся, я присмотрю за ней. Будь уверен, и пылинки не упадет.

Однако не успели закончиться съемки рекламного ролика, как по сети уже поползли слухи. Новость о том, что Юй Нянь приобрел на старинной улице Нинчэна старую фарфоровую чашу за двадцать пять тысяч юаней, мгновенно подхватили крупные новостные блоги.

Один из популярных аккаунтов под названием «Мэйжи баоляо» первым опубликовал пост в Вэйбо: «Появилась информация, что во время съемок рекламы Юй Нянь, проигнорировав уговоры, купил в сувенирной лавке на старой улице фарфоровую чашу за двадцать пять тысяч юаней. Что вы об этом думаете?»

<http://bllate.org/book/18301/1757205>